

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)¹**

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, ведущий специалист

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: helios82@yandex.ru

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий специалист

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dc_mail@bk.ru

В данной статье автор проводит сравнительный анализ современного состояния конфессиональной политики в трех субъектах Российской Федерации, составляющих территорию Северного Прикаспия : Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Дагестан. Автор анализирует современную конфессиональную политику в этих регионах на трех уровнях : мега-, макро- и микро – и выявляет основные проблемные точки. В статье показано, что практически во всем Северном Прикаспии основные проблемы в области конфессиональной политики возникают на мегауровне и связаны с транснациональными религиозными сетями различной конфессиональной направленности. В региональной плоскости разрешить их на данном этапе пока не удастся в связи с отсутствием внятной как общегосударственной, так и региональной конфессиональной политики. На макро- и микроуровне проблемы решаются местными органами власти и межконфессиональными сообществами на уровне меж- и внутриконфессионального диалога.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Юг России, Северный Кавказ, Северный Прикаспий, конфессиональная безопасность.

**CONFESSIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA
(THE COMPARATIVE ANALYSIS)**

Dryagalov Vyacheslav S., Leading specialist

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: helios82@yandex.ru

Topchiev Mikhail S., Ph.D. (Political Science), Leading specialist

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dc_mail@bk.ru

In offered article the author carries out the comparative analysis of a current state of confessional policy in three subjects of the Russian Federation making the territory of Northern Prikaspi: Astrakhan region, Republic of Kalmykia and Republic of Dagestan. The author analyzes modern confessional policy in these regions at three levels: mega-, macro - and micro, also reveals the main problem points. In article it is shown that practically in all Northern Prikaspiy the main problems in the field of confessional policy arise at megalevel and are connected with transnational

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект 12-33-01411 «Проблемы и перспективы развития конфессиональных отношений в полиэтничном регионе на примере Астраханской области и Северного Прикаспия».

religious networks of various confessional orientation. In the regional plane it isn't possible to resolve them at this stage yet due to the lack of distinct both state and regional confessional policy. On macro and microlevel problems are solved by local authorities and interfaith communities at the level of boundaries - and intra confessional dialogue.

Keywords: confessional policy, South of Russia, North Caucasus, Caspian region, confessional security

Введение

Проблемы конфессиональной политики продолжают оставаться чрезвычайно актуальными на современный момент, особенно в республиках Юга России. Прежде всего надо учитывать, что в теоретическом плане даже на понятийном уровне эта проблема остается весьма дискуссионной. Несмотря на длинную предисторию вопроса, терминологический комплекс, связанный с конфессиональной проблематикой в сфере государственных отношений и государственной политики до конца не устоялся. В предыдущих работах мы подробнее останавливались на этой проблеме [23].

Под конфессиональной политикой мы понимаем систему и способы регуляции взаимоотношений акторов данной политики: государства, религиозных организаций, граждан – направленных на урегулирование конфликтов в конфессиональной сфере и поддержание целостности государства на основе согласования различных вероисповедных интересов.

Мы выбрали для анализа три южных региона – Астраханскую область, Калмыкию и Дагестан не случайно. Во-первых, все три региона представляют собой различную этнокультурную модель межкультурных коммуникаций. Астраханская область с древнейших времен представляет собой поликультурное и поликонфессиональное образование. В Калмыкии на данный момент преимущественно буддийская ориентация, Дагестан наиболее исламски ориентированный из всех республик Северного Кавказа.

Вторым фактором выбора данных регионов для анализа стала их территориальная принадлежность к Прикаспию, поскольку именно эти три региона представляют РФ в Каспийском анклав. С учетом того фактора, что остальные субъекты этого анклава – мусульманские страны, мы можем выявить болевые точки проблемы сохранения конфессиональной безопасности.

В процессе работы мы опирались на результаты экспертных отчетов, опубликованных в 2013 г. Распределенным научным центром межнациональных и межрелигиозных проблем и Институтом национальной стратегии, а также на научный и общественный (СМИ, интернет) дискурс, связанный с конфессиональной политикой в этих регионах.

Динамика конфессиональной политики на Юге России

Россия, как исторически сложившееся поликультурное и поликонфессиональное государство, сталкивается с целым комплексом проблем в сфере конфессиональной политики, прежде всего на региональном уровне. Сложность концептуальной позиции России в этом вопросе, с нашей точки зрения, заключается в неравномерности культурного и, прежде всего, этноконфессионального ландшафта. Различные регионы требуют создания своих, оригинальных моделей, но политика проведения этих моделей в жизнь будет рождать свои, индивидуальные проблемы. «Проблема в том, что каждый раз принимая решение по полному комплексу вопросов, надо иметь в виду и специфические «страновые» интересы, существующие не поверх, но наряду с интересами региональными...» [4].

Сложные диахронные и синхронные процессы формирования российской государственности привели к тому, что даже близлежащие регионы порой сильно отличаются по этническому и конфессиональному составу. В связи с этим отличается и их конфессиональная политика.

Система реализации государственно-конфессиональной политики представляет собой сложную биполярную коммуникационную систему, на одном полюсе которой находятся властные структуры, на другом – религиозные. Данная система реализуется в политическом поле на нескольких уровнях – мегауровне (мировая и региональная политика), макроуровне (национальная и локальная политика) и на микроуровне (индивидуальная деятельность) [24]. Практически в каждом регионе мы можем выделить все три уровня реализации конфессиональной политики. Причем в некоторых регионах она превращается в основной социальный тренд.

Сложности реализации конфессиональной, особенно межконфессиональной политики, связаны и с различным пониманием концепта Чужого, который лежит в основе системы межкультурных коммуникаций на различных уровнях [19]. Восприятие представителей других конфессий, или других вероучительных групп в рамках одной конфессии, как *чужих*, а в крайней форме и как *врагов*, приводит к увеличению конфликтных ситуаций в межконфессиональном пространстве.

Мы рассматриваем три Прикаспийских региона: Республику Калмыкия, Республику Дагестан и Астраханскую область, отличающиеся по своему конфессиональному составу и собственно, по конфессиональной политике.

Республика Калмыкия на Юге России является единственным институциональным образованием с доминированием буддийской религии. По последней переписи населения 2010 в регионе проживает 57,4 % калмыков и 32,2 % русских. Причем доля русских постоянно снижается. Мы можем судить относительно представительства различных конфессий в региональном культурном ландшафте по пропорциональности религиозных организаций различных конфессий.

В настоящее время на территории Республики Калмыкия осуществляет свою деятельность 69 религиозных организаций, зарегистрированных в Министерстве юстиции Республики Калмыкия (данные Управления юстиции РФ по Республике Калмыкия на 29.12.2009 г.). Среди них: 32 буддистские, 16 православных, 6 мусульманских, 3 католические, 11 протестантских религиозных организаций [16]. Таким образом, буддийских религиозных организаций (на 2009 г) – 46,48 %, а православных – 22,54 %.

Калмыкия позиционирует себя как поликонфессиональная республика. Формально это так. Однако, доля православной паствы в республике постоянно снижается, а мусульманское население пока немногочисленное. Мусульмане данной республики пытаются консолидироваться в последнее десятилетие, но в силу своей немногочисленности, недостаточно активно [10]. Доминирующей религией в республике является буддизм. Собственно он в последнее десятилетие стал основным трендом Калмыкии.

Процесс воссоздания религиозного ландшафта Калмыкии начинается в перестроечные времена, когда в 1993 г Народный Хурал отменил 2 часть 46 статьи Конституции республики Калмыкия, согласно которой церковь была отделена от государства [12]. Это был беспрецедентный случай, обусловленный практически полностью разрушенной конфессиональной инфраструктурой региона. В этом же году был образован департамент по делам религии Калмыкии, который собственно и руководил религиозным ренессансом. Главы буддийской и православных церквей стали сопредседателями совета. В дальнейшем департамент ликвидировали и заменили экспертным советом. Таким образом, государственная прямая форма управления религиозными процессами была заменена на более мягкую. В 1995 г. калмыцкая законодательная аномалия в этой области была приведена в соответствие с Федеральным законом, и религиозные организации в Республике Калмыкия, как и по всей России, были отделены от государства. Но и после этого государственные органы Калмыкии помогли становлению двух крупнейших конфессий республики.

За долгие годы президентства К. Илюмжинова буддизм в калмыки не только реанимировался и активно развивался, но и визуализировался. Были построены крупные буддийские объекты (хурулы, ступы, буддийские центры), которые помимо

чисто религиозных функций стали привлекательными объектами культурного туризма для путешественников из соседних регионов.

Продуманной, централизованной и научно обоснованной конфессиональной политики, так же как и по всей России, в республике не было. Реставрация буддизма шла не через воссоздание исторически сложившейся в Калмыкии сангхи, а через включение его в тибетскую транснациональную религиозную сеть [15]. Буддизм в Калмыкии не является также чем-то единым и монолитным. В республике представлены практически все четыре буддийских направления [9], однако с разным уровнем вовлечения мирян в конфессиональные процессы.

Большинство региональных исследователей оценивают конфессиональную обстановку в республике как спокойную и позитивно ориентированную (Поканинова Е.В., Марзаева М.Б.). Опыт длительного сосуществования православия и буддизма позволяет свести к минимуму межконфессиональные конфликтные ситуации. Они, естественно, имеют место, но скорее на бытовом и индивидуальном уровне, как акты вандализма [1, 20], чем конкретное межконфессиональное противостояние. Конфликтная ситуация разворачивается в плоскости пересечения мезо и макроуровней. Это вылилось в ситуацию недовольства так называемого калмыцкого духовенства официальным руководством калмыцким буддизмом, куда входят преимущественно ламы тибетского происхождения [7, 8]. Однако основная информация об этом конфликте находится в основном в интернете и практически получает минимальное освещение в теоретических исследованиях регионального характера.

Проблемы конфессиональной политики переводятся в сферу социальной политики. В большинстве экспертных заключений и научных публикаций [11, 14, 16] акцент делается, прежде всего, на социальном служении основных конфессий республики, обозначается их вклад в межконфессиональный диалог.

В отличие от своих соседей, Республики Калмыкия и Астраханской области, Республика Дагестан может считаться практически моноконфессиональной, но при этом полиэтничной. По оценкам экспертов, в республике около 95 % этнических мусульман. Доля христиан не превышает 4 % [13, с. 91]. Русское население не обладает политическим весом и не влияет на основные кадровые перемещения. При таком конфессиональном раскладе конфликты между традиционными конфессиями: исламом и христианством – замещены внутрiconфессиональными конфликтами. Даже сухая статистика экспертных докладов выявляет глубокие внутренние проблемы, связанные не только с характером конфессионального и этнического ландшафта, но и с направлениями конфессиональной политики. В отличие от Калмыкии лидирующая религия не стала туристическим трендом республики, а скорее наоборот. Внутренние конфессиональные противоречия и напряженная обстановка, связанная с отсутствием гарантий элементарной безопасности. Не являются благоприятными для туристической деятельности, хотя власти пытаются решить эту проблему.

В отличие от Калмыкии теоретический и публицистический дискурс Дагестана посвящен в основном острым проблемам конфессиональных отношений и конфессиональной политики. В практике конфессиональных отношений в Дагестане есть несколько болевых точек. В начале перестроечного периода, в 90-х гг., здесь была ярко выражена тенденция к сепаратизму на национальной почве, проявившаяся в попытках создания национальных муфтиятов [13, с. 92]. Сейчас ситуация несколько стабилизировалась, однако эта проблема, пусть в латентной форме, будет существовать всегда, в силу полиэтничности республики и перманентных претензий наиболее крупных этносов на руководящие посты в ДУМД. Вторая линия конфликтов – между суннитским большинством и шиитской азербайджанской диаспорой. Однако, по мнению экспертов, несмотря на некоторую активизацию конфликта, его дальнейшее развитие не представляется возможным. Еще одной линией напряженности являются отношения между суфизмом и традиционным исламом. Несмотря на то, что именно Дагестан был исторически связан с распространением суфизма на российских территориях и суфий-

ские аристократы являются в республике весьма влиятельными, часть населения относится к этим практикам негативно. Но две первые проблемы – это проблемы макроуровня и решаются они региональными властями в рамках внутренней конфессиональной политики. Во всех возникающих на этом уровне конфликтных линиях основной для разрешения является политика переговоров и межэтнического диалога.

Самой серьезной проблемой не только конфессиональной политики республики, но и безопасности ее жителей, являются противоречия между традиционным исламом и салафитами (ваххабитами). Ваххабизм на данный момент является конфликтогенным фактором макроуровня на территории республики Дагестан, поскольку представляет собой транснациональную сеть. Эксперты считают, что именно Дагестан является наиболее ваххабизированной территорией России [6, с. 8]. Поэтому вектор основных региональных политических стратегий направлен на искоренение ваххабизма.

Мы не будем вдаваться в теологические тонкости по поводу справедливости отождествления ваххабизма, салафизма и экстремизма, уточним только, что далеко не все исследователи с этим согласны. Однако именно это отождествление стало основой конфессиональной политики в Дагестане. Некоторые эксперты считают, что именно оно привело к весьма негативным последствиям [21, с. 48], причем отождествление шло не только на теоретическом или политическом уровне, но и прежде всего на религиозном [13, с. 93]. Поскольку это привело к эскалации конфликта, ДУМ Дагестана и ее тогдашнее руководство приняли решение о начале мирного диалога с салафитами (2010). В мае 2012 г. представители разных течений в исламе договорились разрешать спорные вопросы и разногласия путем диалога [5]. Это, по мнению ряда экспертов привело к расколу самой салафитской общины на радикальное экстремистское крыло и более мирное. Процесс мирных переговоров застопорился из-за террористических актов радикально настроенной части общины. Поэтому «диалог между суфиями и умеренными салафитами оставляет нерешенной проблему религиозно-политического экстремизма и терроризма в Дагестане» [13, с. 93].

После смены руководства Дагестана в январе 2013 г. президентом, впоследствии избранный президентом Р. Абдулатипов заявил о продолжении линии поиска мирных решений в своей конфессиональной политике. "Что касается экстремизма и терроризма, мы никогда не объявляли войну ваххабитам и никаким другим течениям в исламе. Мы создаем одинаковые условия для каждого, желающего исповедовать свою веру. Для нас главное, чтобы верующий человек не начал стрелять в других, в спину государства" [2]. Эта же линия была обозначена и в его инаугурационной речи. Обращаясь к деятелям разных течений и мазхабов президент сказал, что «у нас один Аллах, один Пророк и его хадисы. У нас одно откровение от Всевышнего – священный Коран, к нас общие традиции и вера, которую мы унаследовали от предков. Так о чем же спор? Спор об эгоизме, о своей ограниченности, о своей гордыне, о своем желудке. В этих спорах и конфликтах нет места ни Аллаху, ни пророкам, ни Корану» [18]. Однако ряд экспертов считает, что произошла смена векторов конфессиональной политики и господствующим направлением становится силовая модель, «когда представители определенных течений ислама автоматически приравниваются к экстремистам, а следование этим течениям может повлечь репрессии со стороны правоохранительных органов» [21, с. 53].

Современное состояние государственно-конфессиональной политики в *Астраханской области* обусловлено уникальностью ее конфессиональной ситуации. Это не только высокий уровень толерантности, сформировавшийся исторически, но и высокий уровень конфессиональной мозаичности, даже по сравнению с поликонфессиональным Югом России. Конфессиональный состав Астраханской области представлен 30-ю религиозными исповеданиями, объединяющими 245 приходов и общин. Среди них: Русской православной церкви – 97, протестантские общины – 33, старообрядческие общины – 3, мусульманские объединения – 76, буддийские общины – 5, иудейские общины – 2, Римско-католической церкви – 2, Евангелическо-лютеранской

церкви – 1, Армянской апостольской церкви – 1, малые религиозные объединения – 68, а также 9 фондов (8 региональных и 1 отделение международного фонда) [14, с. 66–67].

Характеризуя конфессиональную политику в Астраханской области, нужно учитывать, что на нее оказывает влияние целый ряд факторов, различного уровня: мега-, макро- и индивидуального.

На мегауровне на формирование конфессиональной политики и функционирование системы конфессиональной безопасности в регионе оказывают влияние процессы глобализации, которые с начала 90-х гг. способствовали усилению и без того высокой религиозной мозаичности, прежде всего за счет протестантских деноминаций, новых религиозных движений и мистических групп. Часть конфессий восстанавливается в 90-е гг. через включение в транснациональные глобальные религиозные сети.

Важнейшим фактором, влияющим на конфессиональную политику области, является ее геополитическая включенность в Каспийский регион и ее близость к исламскому миру (пограничность Северному Кавказу и Прикаспию). Основные миграционные потоки в Астрахань и через Астрахань идут именно оттуда, представленные в основном представителями мусульманских конфессий.

Именно эти факторы, а также целый ряд прецедентов [22], позволили экспертам назвать Астрахань одним из основных центров распространения ваххабизма в Южном федеральном округе наряду с Ростовом-на-Дону и Адыгеей [6, с. 8]. Ваххабистская активность распространяется на достаточно большое количество населенных мест области [14, с. 68].

Эта проблема не могла остаться незамеченной на уровне органов государственной власти области. На заседании этноконфессионального совета Астраханской области, созданного в 2005 г. руководитель администрации региона К.З. Шантимиров наметил проблемные точки межконфессиональной политики в этой области. «У нас есть примеры попыток открытой вербовки молодежи в отряды наемников в Сирию или южные регионы страны, распространения сепаратистских идей создания халифата. Порой молодые люди, в том числе, из нашей области поддаются на такую агитацию» [3].

На макроуровне в регионе можно выделить внешние факторы в виде общенациональной конфессиональной политики и внутренние факторы, связанные со спецификой политики областной администрации, имеющие как негативные, так и позитивные аспекты. На индивидуальном уровне как об определенных факторах мы можем говорить о влиянии отдельных личностей на конструктивные процессы в области сохранения конфессиональной безопасности и на деструктивные. К конструктивным действиям мы можем отнести, во-первых, взвешенную и весьма осторожную конфессиональную политику глав государственных структур Астраханской области, их внимание к конфессиональным проблемам. Во-вторых, на личностном микроуровне определенным политическим фактором формирования конфессиональной безопасности является и общественная деятельность глав религиозных конфессий, учитывающих геополитическую сложность ситуации в области, необходимости осторожных, грамотных, политически выдержанных решений в связи с нестандартными ситуациями, возникающими в регионе. Однако, несмотря на то, что в некоторых случаях именно на личностном уровне может происходить поддержка сепарационных процессов, а появление харизматических религиозных лидеров с экстремистским мировоззрением может потенциально дестабилизировать ситуацию в регионе, доминирующими на данный момент пока являются сдерживающие факторы.

Заключение

Во всех трех выбранных нами регионах, на *мегауровне* на современном этапе мы можем говорить о взаимосвязи глобализационных процессов и религиозных. Религия становится важнейшим фактором глобализации, что выражается не только в появлении новых религиозных движений, но и в модификации исторически функ-

ционирующих конфессий, их модернизации в связи с появлением новых форм распространения информации. Формируется активный религиозный рынок, со всеми рыночными атрибутами. Религия становится подчас не столько мировоззренческим, сколько экономическим, а в последнее время и политическим феноменом. Мир сжался в единое замкнутое, быстро доступное в информационном плане пространство, которое сталкивает религии лицом к лицу с адептами, превратившимися в «покупателей». Каждый регион имеет свою модель взаимоотношений религии и политики с учетом глобализационных процессов и современных политических трендов. В некоторых регионах именно религия, а чаще всего ренессансные процессы, связанные с ней, становится главным социально-политическим трендом. Мы увидели, что практически во всех трех регионах основные проблемы возникают и нарастают именно на мегауровне и связаны с транснациональными религиозными сетями различной конфессиональной направленности. На макро- и микроуровне проблемы решаются местными органами власти и межконфессиональными сообществами на уровне меж- и внутриконфессионального диалога.

Список литературы

1. В Элисте сгорела мечеть, вероятен поджог // СОВА : информационно-аналитический центр. – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/vandalism/2014/07/d29847/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. ГолосИслама.Ru : информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://golosislama.ru/news.php?id=23817>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Доклад руководителя администрации Губернатора Астраханской области К. З. Шантимирова на заседании этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области 26.11.2013 // Этноконфессиональный совет при Губернаторе Астраханской области. – Режим доступа: <http://etnokonf.astrobl.ru/document/1836>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Зуев Сергей Культурно-политические горизонты конфессиональной политики / Сергей Зуев // Русский архипелаг : сетевой проект «Русского мира». – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/conception/horizon/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Казенин Константин: "Исламское примирение" и будущее Дагестана // Официальный сайт FLNKA.RU. – Режим доступа: <http://old.flnka.ru/digest-analytics/667-konstantin-kazenin-islamskoe-primirenie-i-budushee-dagestana.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье : доклад института национальной стратегии. – Москва : Институт национальной стратегии, 2013. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/userdata/files/ethno/Ethnodoc-new-full-sm.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Конфликт между ламами в Калмыкии // Регион Калмыкия : информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://kalmyki.ru/content/view/224/59/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Леджиев А. Калмыкия: Наша дхарма / А. Леджиев // RuBo@rd. – Режим доступа: <http://www.rusbg.com/kalmykiya-nasha-dharma.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Марзаева М. Б. Красношапочный буддизм в современной Калмыкии / М. Б. Марзаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. – 2008. – № 2. – С. 42.
10. Марзаева М. Б. Мусульмане Калмыкии в постсоветский период / М. Б. Марзаева // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая : материалы Международной научной конференции. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2008. – Часть III. – 166 с.
11. Марзаева М. Б. О государственно-конфессиональных отношениях в современной Калмыкии / М. Б. Марзаева // Россия и Центральная Азия: Историко-культурное наследие и перспективы развития : материалы Международной научной конференции. – Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2008. – Часть II. – 108 с.
12. Марзаева М. Б. Церковь и государственные органы в современной Калмыкии / М. Б. Марзаева // Единая Калмыкия в Единой России: через века в Будущее : материалы

международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13-18 сентября 2009 г.). – Элиста : Джангар, 2009. – Часть 2. – С. 587–589.

13. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе : экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – Москва : Институт этнологии и антропологии, Страврополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2013. – 98 с.

14. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе : экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – Москва : Институт этнологии и антропологии, 2013. – 114 с.

15. Островская Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества / Е. А. Островская // Двадцать лет религиозной свободы в России. – Москва : Московский центр Карнеги, 2009. – С. 294–328.

16. Поканинова Е. Б. Влияние социальных теорий основных конфессий на проведение социальной политики в поликонфессиональном регионе (на примере Республики Калмыкия) / Е. Б. Поканинова // Религии России: проблемы социального служения : материалы II Международной научно-практической конференции. – Москва – Нижний Новгород : ИД «Медина», 2011. – С. 555–558.

17. Поканинова Е. Б. Социально-философский анализ трансформации государственно-конфессиональных отношений в Республике Калмыкия : автореферат дис. ... доктора философских наук / Е. Б. Поканинова. – Москва : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2012. – 54 с.

18. Рамазан Абдулатипов избран на пост Президента Дагестана // Avaral.com. – Режим доступа: <http://avaral.com/blog/politika/327.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

19. Романова А. П. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях / А. П. Романова, С. Н. Якушников // Вопросы философии. – 2013. – № . – С. 49–55.

20. Свиной головой и камнями осквернили мечеть в Калмыкии // Pravda.ru. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/accidents/16-11-2006/204065-mechet-0/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

21. Стародубровская И. Северный Кавказ: quo vadis? : экспертный доклад / И. Стародубровская, К. Казенин. – Москва, 2013. – 48 с.

22. Сызранов А. В. Государственная политика России по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжья в конце XX – начале XXI в. / А. В. Сызранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 19–27.

23. Топчиев М. С. Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия : монография / М. С. Топчиев, А. П. Романова. – Астрахань : Р. В. Сорокин, 2011. – 104 с.

24. Топчиев М. С. Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) / М. С. Топчиев // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 11 (257). – С. 27–34.

References

1. V Eliste sgorela mechet, veroyaten podzhog [In Elista burned mosque arson likely]. *SOVA : informatsionno-analiticheskiy tsentr* [SOVA. Center for Information and Analysis]. Available at: <http://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/vandalism/2014/07/d29847/>.

2. *GolosIslama.Ru : informatsionno-analiticheskiy portal* [GolosIslama.Ru. Information and Analytical Portal]. Available at: <http://golosislama.ru/news.php?id=23817>.

3. Doklad rukovoditelya administratsii Gubernatora Astrakhanskoy oblasti K. Z. Shantimirova na zasedanii etnokonfessionalnogo soveta pri Gubernatore Astrakhanskoy oblasti 26.11.2013 [Report of the Chief of Staff of the Governor of the Astrakhan region K. Z. Shantimirova at a meeting of the ethno-religious Council of the Governor of the Astrakhan region 11/26/2013]. *Etnokonfessionalnyy sovet pri Gubernatore Astrakhanskoy oblasti* [Ethnoconfessional Council of the Governor of the Astrakhan Region]. Available at: <http://etnokonf.astrobl.ru/document/1836>.

4. Zuev Sergey Kulturno-politicheskie gorizonty konfessionalnoy politiki [Cultural and political horizons religious policy]. *Russkiy arhipelag : setevoy proekt «Russkogo mira»* [Russian Archipelago network project "Russian world"]. Available at: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/conception/horizon/.

5. Kazenin Konstantin: "Islamskoe primirenje" i budushchee Dagestana [Kazenin Constantine: "Islamic reconciliation" and the future of Dagestan]. *Ofitsialnyy sayt FLNKA.RU* [The official

website FLNKA.RU]. Available at: <http://old.flnka.ru/digest-analytics/667-konstantin-kazenin-islamskoe-primirenie-i-budushee-dagestana.html>.

6. *Karta etnoreligioznykh ugroz. Severnyy Kavkaz i Povolzhe : doklad instituta natsionalnoy strategii* [Map of ethnic and religious threats. North Caucasus and the Volga region. Proceedings of the National Strategy Institute], Moscow, Institute of National Strategy Publ. House, 2013. Available at: <http://www.apn.ru/userdata/files/ethno/Ethnodoc-new-full-sm.pdf>.

7. Konflikt mezhdu lamami v Kalmykii [The conflict between the lamas in Kalmykia]. *Region Kalmykiya : informatsionno-analiticheskiy portal* [Kalmykiya Region. Information and Analytical Portal]. Available at: <http://kalmyki.ru/content/view/224/59/>.

8. Ledzhiev A. Kalmykiya: Nasha dkharma [Kalmykia: Our dharma]. *RuBo@rd*. Available at: <http://www.rusbg.com/kalmykiya-nasha-dharma.html>.

9. Marzaeva M. B. Krasnoshapochnyy buddizm v sovremennoy Kalmykii [Red Caped Buddhism in Kalmykia modern]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities Research of the Russian Academy of Sciences], 2008, no. 2, pp. 42.

10. Marzaeva M. B. Musulmane Kalmykii v postsovetskiy period [Muslims of Kalmykia in the Post-Soviet period]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China. Proceedings of the International Scientific Conference], Elista, Kalmyk Institute for Humanities Research of the Russian Academy of Sciences Publ. House, 2008, part III. 166 p.

11. Marzaeva M. B. O gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniakh v sovremennoy Kalmykii [On the church and state relations in contemporary Kalmykia]. *Rossiya i Tsentralnaya Aziya: Istoriko-kulturnoe nasledie i perspektivy razvitiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects. Proceedings of the International Conference], Elista, Kalmyk Institute for Humanities Research of the Russian Academy of Sciences Publ. House, 2008, part II. 108 p.

12. Marzaeva M. B. Tserkov i gosudarstvennye organy v sovremennoy Kalmykii [The church and the public authorities in the modern Kalmykia]. *Yedinaya Kalmykiya v Yedinoy Rossii: cherez veka v Budushchee : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiyskogo gosudarstva (Elista, 13–18 sentyabrya 2009)* [United Kalmykia in United Russia: through the centuries in the Future. Proceedings of the International scientific conference, devoted to the 400th anniversary of the Voluntary Entering of Kalmyk People into the Russian State (Elista, 13–18 September 2009)], Elista, Dzhangar Publ., 2009, part 2, pp. 587–589.

13. Tishkova V. A., Stepanova V. V. (ed.) *Mezhetnicheskie i konfessionalnye otnosheniya v Severo-Kavkazskom federalnom okruge : ekspertnyy doklad* [Interethnic and religious relations in the North Caucasus Federal District. Expert report], Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology Publ. House; Stravropol, North Caucasian Federal University Publ. House, 2013. 98 p.

14. Tishkova V. A., Khoperskoy L. L., Stepanova V. V. (ed.) *Mezhetnicheskie i konfessionalnye otnosheniya v Yuzhnom federalnom okruge : ekspertnyy doklad* [Interethnic and religious relations in the Southern Federal District. Expert report], Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology Publ. House, 2013. 114 p.

15. Ostrovskaya Ye. A. Rossiyskiy buddizm v oprave grazhdanskogo obshchestva [Russian Buddhism in the frame of civil society]. *Dvadsat let religioznoy svobody v Rossii* [Twenty Years of Religious Freedom in Russia], Moscow, Carnegie Moscow Center Publ., 2009, pp. 294–328.

16. Pokaninova Ye. B. Vliyanie sotsialnykh teoriy osnovnykh konfessiy na provedenie sotsialnoy politiki v polikonfessionalnom regione (na primere Respubliki Kalmykiya) [Influence of social theories of the major faiths in the implementation of social policy in the confessional region (on the example of the Republic of Kalmykia)]. *Religii Rossii: problemy sotsialnogo sluzheniya : materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Religions Russia: problems of social service. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference], Moscow – Nizhny Novgorod, Medina Publ., 2011, pp. 555–558.

17. Pokaninova Ye. B. *Sotsialno-filosofskiy analiz transformatsii gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy v Respublike Kalmykiya* [The social and philosophical analysis of the transformation of the state and confessional relations in the Republic of Kalmykia], Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. House, 2012. 54 p.

18. Ramazan Abdulatipov izbran na post Prezidenta Dagestana [Ramazan Abdullatipov elected President of Dagestan]. *Avaral.com*. Available at: <http://avaral.com/blog/politika/327.html>.

19. Romanova A. P., Yakushenkov S. N. Chuzhoy kak obektivnaya realnost, dannaya nam v oshchushcheniyakh i razmyshleniyakh [Alien as an objective reality given us in sensation and reflection]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2013, no. 2, pp. 49–55.

20. Svinoy golovoy i kamnyami oskvernili mechet v Kalmykii [Swine head stones and desecrated a mosque in Kalmykia]. *Pravda.ru*. Available at: <http://www.pravda.ru/news/accidents/16-11-2006/204065-mechet-0/>.

21. Starodubrovskaya I., Kazenin K. *Severnyy Kavkaz: quo vadis? : ekspertnyy doklad* [North Caucasus: quo vadis? Expert report], Moscow, 2013. 48 p.

22. Syzranov A. V. Gosudarstvennaya politika Rossii po borbe s islamskim ekstremizmom na territorii Povolzhya v kontse XX – nachale XXI v. [State policy of Russia on fight against islamic extremism in the territory of the Volga region at the end of XX – the beginning of the XXI century]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2013, no. 2 (35), pp. 19–27.

23. Topchiev M. S., Romanova A. P. *Konfessionalnaya politika i konfessionalnaya bezopasnost Prikaspiya* [Confessional policy and security of the Caspian], Astrakhan, R. V. Sorokin Publ., 2011. 104 p.

24. Topchiev M. S. Spetsifika gosudarstvennoy politiki regulirovaniya konfessionalnykh otnosheniy v polietnichnom regione (na primere Astrakhanskoy oblasti) [Specificity of state regulatory policy confessional relations in multiethnic region (for example, the Astrakhan region)]. *Rossiya i musulmanskiy mir* [Russia and the Muslim World], 2013, no. 11 (257), pp. 27–34.

МЕХАНИЗМЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ*¹

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150062, Российская Федерация, г. Ярославль, проспект Машиностроителей, 7
E-mail: alex8119@mail.ru

Публичная политика представляет собой сферу открытого согласования интересов различных субъектов. Эффективность данного согласования зависит от действенности механизмов взаимодействия данных субъектов, а значит, и механизмов публичной политики в целом. В исследовании представлены результаты мониторинга механизмов публичной политики в Ярославской области в период 2009–2013 гг. Анализ проводился по 13 показателям среди трех целевых групп экспертов: представители власти, бизнеса и НКО.

Ключевые слова: публичная политика, механизмы, институты, гражданская активность, выборы

MECHANISMS OF PUBLIC POLICY IN THE YAROSLAVL REGION

Sokolov Aleksandr V., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

P.G. Demidov Yaroslavl State University
7 Mashinostroiteli ave., Yaroslavl, 150062, Russian Federation
E-mail: alex8119@mail.ru

Public policy is a sphere of the open coordination of interests of different stakeholders. The effectiveness of this coordination depends on the extent to which effective mechanisms of communication and interaction of these stakeholders, and therefore the mechanisms of public policy in general. The paper presents the results of the research of mechanisms of public policy in Yaroslavl

---

¹ * Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2972.2013.6.